

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2022.76.47.010

Природа политического лидерства Мао Цзэдуна и ее влияние на становление и развитие отношений между СССР и КНР: 1949-1976 гг.

Варакина Маргарита Игоревна

Кандидат философских наук,
профессор кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева,
443086, Российская Федерация, Самара, Московское ш., 34;
e-mail: margo3535@yandex.ru

Трофимова Елизавета Сергеевна

Преподаватель,
кафедра теории и практики иностранных языков,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: trofimova.elizavetta@yandex.ru

Левченко Ярослава Александровна

Магистр,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: yaalevchenko@edu.hse.ru

Аннотация

Политический портрет Мао неоднозначен, исследователи зачастую дают прямо противоположные оценки личным качествам и деятельности Великого кормчего. По типологии лидеров Мао Цзэдун относится к «вожакам» – лидерам, ведущим «загипнотизированную» толпу по избранной им дороге. Ярким подтверждением этого является слепое доверие, оказываемое Мао Цзэдуну широкими массами китайского народа, и следование культу личности Великого кормчего. Его имя так или иначе связано с различными событиями и эпизодами освободительной борьбы китайского народа. Также личность Мао Цзэдуна тесно связана со становлением отношений СССР и КНР. Как личность с высоким показателем Мак-коэффициента, Мао всегда стремился к тому, чтобы использовать сотрудничество с СССР в интересах своего государства. Однако, будучи представителем параноидального стиля поведения, он всегда видел в СССР идейного недруга. После 1953 г. на отношения КНР и СССР повлияли не только объективно существующие противоречия, но и личные взаимоотношения Мао Цзэдуна и Н.С.

Хрущева. Следует отметить, что проводимая Мао Цзэдуном линия на конфронтацию с СССР и, в частности, создание на советско-китайской границе напряженной обстановки, до сегодняшних дней оказывает негативное влияние на имидж Китая в РФ. Часть российского населения до сих пор видит в КНР потенциально враждебное государство.

Для цитирования в научных исследованиях

Варакина М.И., Трофимова Е.С., Левченко Я.А. Природа политического лидерства Мао Цзэдуна и ее влияние на становление и развитие отношений между СССР и КНР: 1949-1976 гг. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 99-108. DOI: 10.34670/AR.2022.76.47.010

Ключевые слова

Мао Цзэдун, политический портрет, лидер, КНР, отношения СССР и КНР.

Введение

Политический портрет Мао неоднозначен, исследователи зачастую дают прямо противоположные оценки личным качествам и деятельности Великого кормчего. Формирование Мао Цзэдуна как политического деятеля шло сложным и противоречивым путем. Его имя так или иначе связано с различными событиями и эпизодами освободительной борьбы китайского народа.

По типологии лидеров М. Конвей Мао Цзэдун относится к «вожакам» – лидерам, ведущим «загипнотизированную» толпу по избранной им дороге. Ярким подтверждением этого является слепое доверие, оказываемое Мао Цзэдуну широкими массами китайского народа, и следование культу личности Великого кормчего. Впоследствии годами создававшаяся окружением Великого кормчего обстановка культа его личности наложила отпечаток на все поведение Мао Цзэдуна. И на официальных приемах, и в более непринужденной обстановке он постоянно играл роль «вождя».

Основная часть

В соответствии с типологией Р. Такера Мао Цзэдун относится к категории лидеров – революционеров. В ходе становления и развития Нового Китая Мао Цзэдун стремился к полному отходу от старых представлений, доминирующих в конфуцианской традиции. Такие кампании как «Большой скачок» и «Культурная революция», инициированные Мао, также можно назвать революционными по характеру.

Согласно классификации М. Херманн, Мао Цзэдуна можно отнести к собирательному образу лидера-знаменосца. Как политический лидер данного типа Мао Цзэдун характеризуется следующими отличительными особенностями: наличием собственного взгляда на реальность, наличием образа желаемого будущего и уверенностью в возможности его осуществления. Как лидер-знаменосец Мао стремился самостоятельно определять темпы и способы необходимых государственных преобразований. Во внешней политике черты лидера-знаменосца проявились в стремлении Мао Цзэдуна к роли лидера в международном коммунистическом движении, к роли защитника угнетенных народов стран третьего мира, к роли независимого лидера, смело противостоящего давлению сверхдержав.

По теории «макиавеллистской личности» Р. Кристи и Ф. Гайса Мао Цзэдун является

личностью с высоким показателем Мак-коэффициента, в этой связи можно выделить такие ключевые черты китайского лидера как хладнокровие и расчетливость, проявленные им в ходе политической борьбы. Так, Мао нельзя отказать в последовательности и настойчивости в достижении своих целей. Еще в 1920-х гг. Мао Цзэдун был известен преимущественно как общественный деятель провинции Хунань. По мере возвышения Мао Цзэдуна такие черты его характера, как властолюбие и гипертрофированное самомнение, все больше давали знать о себе [Борисов, Колосков, 1980]. Уже в те годы Мао Цзэдун характеризуется китайскими коммунистами как «весьма хитрый и коварный человек... В отношении товарищей он обыкновенно действует в приказном порядке и при помощи угроз, применяя систему наказаний. Что касается воспитания кадров, то он придерживался фракционных взглядов и на основе дружеских отношений создавал свою группировку как удобное для использования орудие» [Панцов, 2011]. Известный американский политолог и китаевед Люсьен Пай, изучив личность Мао, пришел к заключению, что психологические особенности личности Великого кормчего приводили его к конфликтным и противоречивым отношениям с ключевыми фигурами его жизни. По мнению исследователя Мао втягивал своего основного противника в конфликт и направлял всю свою психическую энергию на развитие этого конфликта. Можно составить целый свод тактических приемов, соответствующих правилу «цель оправдывает средства», которыми пользовался Мао в политической борьбе со своими противниками. Мао вносил раскол в ряды своих идейно-политических противников, поддерживал разные фракции, сталкивал их между собой. Он действовал так до тех пор, пока силы участников борьбы не иссякали, и они либо сходили с политической арены, либо прекращали сопротивление. В мае 1957 г. Мао говорил К.Е. Ворошилову, что противника нужно «загнать в тщательно закупоренную комнату и гонять там до полного изнеможения и безысходности, а затем открыть ему маленькую щелочку, ведущую в ловушку; обессиленный противник обязательно устремится туда и станет жертвой этой продуманной тактики» [Борисов, 1982]. «Размышления» Мао о «дробном уничтожении» по принципу «муравей перегрызает кость», «краб съедает быка» – еще один пример тактической схемы председателя, рассчитанной на медленное и терпеливое достижение своей цели. В борьбе против несогласных с ним Мао не останавливался даже перед их физическим уничтожением. Так, в ходе кампании «за упорядочение стиля» Мао Цзэдун создал в партии такую обстановку, когда опороченными или взятыми под подозрение оказались почти все руководители, кроме самого Мао и нескольких лиц из его ближайшего окружения. Неправдоподобно выглядит гибель многих видных лидеров КПК, находившихся в разное время в оппозиции к Мао Цзэдуну.

Как личность с высоким Мак-коэффициентом Мао был многолик: он умел производить благоприятное впечатление на собеседников, выступая в качестве «мыслителя», «поэта», «философа», погруженного в раздумья о будущем своего народа и всего человечества; при этом Мао Цзэдун избрал себе примером для подражания наиболее деспотичных и коварных политических деятелей старого Китая, он также неоднократно заявлял о своем восхищении Наполеоном и Гитлером. По его словам, политических лидеров оценивают по крови, которую они пролили.

Мао Цзэдун охарактеризовал себя как «Маркса вкупе с Цинь Шихуаном». Это разъясняет особенности системы его идей. «Маркс» означает здесь отношение к праву собственности, а «Цинь Шихуан» – указание на систему власти, ее предельную концентрацию. Мао Цзэдуну импонировали китаецентристские взгляды Цинь Шихуана, считавшего империю Цинь центром Вселенной, а все другие народы и государства – варварами и данниками Циньской империи.

Мао расширил учение Маркса, добавив концепцию построения социализма в полуфеодальной, полукOLONиальной стране. Свою теорию «демократической революции» и «диктатуры народа» он построил на понимании национальных реалий и традиций аграрного Китая. Работы Мао Цзэдуна, направленные на то, чтобы приспособить систему понятий марксизма к китайскому образу мыслей, а его философию передать в свете китайских традиций, обеспечили ему особое положение в коммунистическом движении.

В рамках теории Е. Коблянкой и Е. Лабковской в соответствии с психологическими качествами Мао Цзэдуна, такой стиль политического поведения Великого кормчего можно охарактеризовать как параноидальный. Для такого стиля поведения на политической арене свойственны подозрительность, недоверие к соратникам, непредсказуемость поведения, сверхчувствительность к скрытым угрозам и мотивам, постоянная жажда власти, контроля над другими людьми и манипулирования ими. Выслушивая советы и рекомендации, предупреждения и предложения, Мао Цзэдун маневрировал. Даже его соратники по партии и руководству страной не в состоянии были своевременно понять подлинные замыслы Мао Цзэдуна.

По технологии выработки и принятия лидером решений Мао Цзэдун является приверженцем авторитарного стиля лидерства. Еще в 1930-х гг. лично знавшие Мао китайские коммунисты отмечали, что он «не терпит возражений, считает себя непогрешимым человеком и абсолютным авторитетом, воспитан в духе традиционного повелевания и одержим манией величия» [Борисов, 1982].

Личность Мао Цзэдуна, как лидера тоталитарного государства, наложила значительный отпечаток на двусторонние отношения СССР и КНР. Изначально Китай был представлен органами пропаганды СССР как братское социалистическое государство, нуждающееся в содействии в борьбе с остатками полукOLONиального и полуфеодального режима и построения социалистического общества. Официальные средства массовой информации в 1950-е гг. массивно пропагандировали вечную и нерушимую советско-китайскую дружбу, представляя Мао Цзэдуна как главного союзника и верного друга советского государства. Однако в действительности отношение Мао Цзэдуна к Советскому Союзу прежде всего определялось тем, насколько в данный момент это способствовало достижению его личных целей. Мао и его окружение видели в СССР не столько первое в мире социалистическое государство, сколько источник материальной и политической поддержки. В двусторонних отношениях Мао Цзэдун выражал свое дружелюбие, однако он настраивал своих ближайших сторонников на постоянную подозрительность к Москве и Сталину. Несмотря на осуществление сотрудничества с Советским Союзом, Мао Цзэдун постоянно указывал своим соратникам на то, что за всеми действиями Сталина следует видеть заботу лишь о себе и своем государстве. Так, значение помощи, которая оказывалась КНР Сталиным, намеренно снижалась пропагандистскими утверждениями о том, что Сталин просто сбывает в КНР то оборудование и вооружения, которое ненужно в СССР. Среди всех зарубежных стран Мао Цзэдун отвел СССР место страны, заслуживающей особого подозрения. По Мао Цзэдуну, подозрительность в отношении социалистической страны должна была быть выше, чем подозрительность по отношению к капиталистической стране. Мао Цзэдун утверждал: «СССР не таков, как мы. Во-первых, царская Россия представляла собой империализм; во-вторых, затем пришла Октябрьская революция, в результате чего многие люди в СССР очень уж возгордились; они очень высоко подняли свой хвост» [Галенович, 2011]. Таким образом, согласно взглядам Мао Цзэдуна, Россия была изначально виновата перед Китаем в том, что она проводила имперскую

политику, и должна была вернуть свои долги, в том числе и территориальные. Китай же в отношениях с Россией был безупречен. Китайцы не стремились начать двусторонние отношения «с чистого листа», ими всегда подчеркивалось, что в истории двусторонних связей существуют нерешенные вопросы. Только проявляя на словах и на деле враждебность и подозрительность по отношению к СССР, сторонники Мао Цзэдуна могли доказать свою верность лидеру и преданность государству. Подобное поведение можно расценить и как проявление параноидального стиля, характерного для Великого кормчего по классификации Е. Коблянкой и Е. Лабковской, и как проявление авторитарного стиля в рамках типологии К. Левин, Р. Липпит и Р. Уайта, и как проявление лицемерия и склонности к ведению политики «двойных стандартов», что характерно для личностей с «Высоким Мак-коэффициентом» по типологии Р. Кристи и Ф. Гайса. Вполне возможно, что, будучи типичным представителем личности с высоким показателем Мак-коэффициента, Мао Цзэдун, тщательно планируя проведение антисоветской политики на 1960-е гг., пытался за несколько лет до ее открытого провозглашения создать впечатление безоблачности в советско-китайских отношениях и проверить лояльность со стороны коллег в ЦК КПК и партии в отношении своего антисоветского курса. Так, постепенно Мао Цзэдун начал смену курса на сотрудничество с СССР политикой открытой и непримиримой вражды.

Как истинный лидер-знаменосец по типологии М. Херманн, Мао Цзэдун всегда исходил из мысли о том, что Китай должен занимать центральное положение на международной арене. Исходя из этого, он также высоко оценивал значение и потенциал своей личности как личности государственного руководителя Китая. Положение, престиж, даже военную мощь Сталина, а затем и других советских руководителей и их государства Мао Цзэдун считал незаслуженно присвоенными, раздутыми и узурпированными в ущерб ему. В период карьеры Мао как революционера и руководителя молодого государства (до 1953 г.) высшая власть в мировом коммунистическом сообществе принадлежала И.В. Сталину. Даже при том, что Мао чувствовал ошибочность позиции советского лидера по ряду важных вопросов, требования политической целесообразности заставляли его подчиниться авторитету Сталина, или, по крайней мере, сделать вид, что он и КПК подчиняются этой власти. Многие исследователи отмечают притязания Мао на роль лидера в социалистическом лагере, получившие особенное проявление после смерти И.В. Сталина. Мао всегда ревниво и завистливо относился к авторитету руководителя советского государства. Это объясняется главным образом двумя причинами: духом соперничества и желанием заменить И.В. Сталина в качестве лидера международного коммунистического движения. В высказываниях Мао в разное время о XX съезде КПСС и разоблачении культа личности Сталина можно обнаружить прямо противоположные суждения. В целом же XX съезд КПСС и критику культа личности Сталина Мао Цзэдун, как лидер с доминирующим параноидальным стилем по классификации Е. Коблянкой и Е. Лабковской, воспринял как угрозу своему культу личности. В отличие от советского руководства, китайский лидер оценил деятельность Сталина на 70% как положительную и на 30% как отрицательную, ошибочную. В 1956 г., в беседах с Послом СССР в КНР П. Юдиным, Мао Цзэдун говорил следующее: «Вы (имелся в виду Хрущев и Политбюро ЦК КПСС) совсем отказались от такого меча, как Сталин, выбросили этот меч. В результате враги подхватили его, чтобы им убивать нас. Ваши действия равносильны тому, чтобы, подняв камень, потом бросить его себе на ноги» [Титаренко, 2011]. Посмертная оценка Сталина Мао Цзэдуном свидетельствует о том, что мысли о своей абсолютной власти занимали важное место в мировоззрении Мао Цзэдуна.

После смерти Сталина Мао Цзэдун начал в партии кампанию открытого пересмотра

отношения к СССР. Мао Цзэдун принадлежал к сталинскому поколению деятелей коммунистического движения, был воспитан на сталинской культуре поведения, то есть уважал только силу. Проявленная Н.С. Хрущевым после смерти И.В. Сталина готовность сотрудничать воспринималась в Пекине как слабость. Мао все время пытался проверить, до какого предела можно пойти в отношениях с Хрущевым. Именно амбиции китайского вождя, вошедшие в противоречие с характером Н.С. Хрущева, способствовали дальнейшему ухудшению взаимоотношений между руководствами советской и китайской компартий. Однако следует отметить, элементы волюнтаризма, примитивной прямолинейности, непродуманности и поспешности, проявленные Хрущевым при подходе к проблемам межгосударственных и партийных отношений двух стран. Н.С. Хрущев допускал резкие высказывания в адрес Пекина, нелестные высказывания в адрес самого Мао, что, вполне естественно, оказало отрицательное влияние на развитие двусторонних отношений. Кроме того, по мере обострения советско-китайских отношений Мао Цзэдун стал изображаться органами пропаганды СССР как антисоветчик, националист, агрессор, разрушитель международного коммунистического движения, а Китай – как возможный агрессор. И хотя связи по межгосударственной линии все-таки развивались, наполнялись все новым и новым содержанием, партийные отношения становились все более натянутыми. После неофициального визита Хрущева в Пекин в июле 1958 г., Мао отметил: «Их истинное намерение – контролировать нас. Они пытаются связать нас по рукам и ногам, но ведут себя как идиоты и своими заявлениями раскрывают все свои замыслы» [Смирнов, 2005].

Мао Цзэдун был мастером «личной дипломатии», он умел ввести в заблуждение политических партнеров и противников, создавая впечатление, будто отошел от руководства делами партии и государства. Так, в декабре 1960 г., когда КПК уже начала полемику с КПСС, Мао Цзэдун говорил о своем отходе от активной работы в партии и государстве, заявляя, что теперь он будет ждать момента, когда перейдет в рядовые члены Политбюро. В феврале 1963 г. во время встречи советских представителей с Мао Цзэдуном, вновь прозвучала аналогичное заявление со ссылкой на то, что он уже не может читать иероглифов, не проводит заседаний Политбюро и не читает всех важных бумаг. «Теперь дела в партии ведут они», – говорил «болеющий» Мао Цзэдун, указывая на сидевших в спальне у его кровати Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина и др. [Борисов, 1982]. Подобное расчетливое поведение, имеющее своей целью дезориентировать соперника, поставить его в затруднительное положение, также является типичным для личности с «высоким Мак-коэффициентом».

Как настоящий лидер-«вожак» (в рамках типологии М. Конвей) Мао Цзэдун провел идеологическую и пропагандистскую обработку населения Китая в духе конфронтации между нашими государствами. В 1964 г. Мао заявил, что СССР «вступил в сговор с США для борьбы за мировое господство», и между двумя державами образовались две «промежуточные зоны». К первой зоне им были отнесены все развивающиеся страны, а ко второй – развитые капиталистические государства. В середине 60-х гг. Советский Союз был окончательно возведен в статус врага. В пропагандистский обиход вошел термин «угроза с Севера». Когда в октябре 1964 г. КНР произвела первое испытание атомной бомбы, было официально заявлено, что это сделано «во имя защиты суверенитета, против угроз США и великодержавности СССР». Отношения КНР и СССР неизбежно приближались к разрыву. Подобные заявления, сделанные лидером государства в условиях культа собственной личности, породили среди китайского населения волну антисоветских настроений. Ярким примером «гипнотизирующего» воздействия Мао Цзэдуна как «лидера-вожака» на широкие массы населения являются

китайские провокации у стен дипломатического представительства СССР, продолжавшиеся весь 1967 г.

Политика Мао, его поведение и высказывания, приведшие к разрыву между КПСС и КПК в начале 60-х гг., породили в глазах советского народа представление о КНР как социалистическом государстве, где господствует деспотическая личная власть и диктатура партийной бюрократии и наблюдается развал экономики, тяжелые жизненные условия и бесправие рабочих и крестьян. В этот период времени советские граждане оценивали внешнюю политику Китая как авантюристскую. Советско-китайский конфликт на острове Даманском, спровоцированный по инициативе Мао Цзэдуна, оставил глубокий отпечаток в мировоззрении не только правящей советской элиты, но и интеллигенции. Впервые в истории российско-китайских отношений осознание опасности соседства с обширной, многонаселенной и враждебной страной на востоке дошло до самых глубин массового сознания не только в приграничных районах, но и по всей стране.

13 октября 1964 г. в СССР произошла смена высшего политического руководства: Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. Смена первых лиц в советском руководстве так и не привела к снижению напряженности в отношениях с Китаем, хотя Л.И. Брежнев пытался использовать смещение Н.С. Хрущева для сглаживания противоречий и нормализации отношений с Пекином. Дальнейшее развитие противоборства объясняется нежеланием Мао Цзэдуна отказываться от выбранного им политического курса.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что отношение к Мао в Советском Союзе менялось в соответствии с политической линией, объективный анализ личных качеств Великого кормчего позволяет охарактеризовать его как харизматичного лидера-знаменосца, приверженного своему делу, продолжателя классово-борьбы во имя социализма, борца за будущее счастье китайского народа. Как личность с высоким показателем Мак-коэффициента, Мао всегда стремился к тому, чтобы использовать сотрудничество с СССР в интересах своего государства. Однако, будучи представителем параноидального стиля поведения, он всегда видел в СССР идейного недруга. После 1953 г. на отношения КНР и СССР повлияли не только объективно существующие противоречия, но и личные взаимоотношения Мао Цзэдуна и Н.С. Хрущева. Мао Цзэдун, как приверженец силы, не смог оценить благодушие и широту жестов советского лидера. Резкое отклонение Мао Цзэдуном советских инициатив в этот период времени было, скорее всего, обусловлено специфической структурой личности Мао, его потребностью в мятеже против власти Хрущева, чем рациональным анализом национальных интересов Китая в свете советских предложений. Следует отметить, что проводимая Мао Цзэдуном линия на конфронтацию с СССР и, в частности, создание на советско-китайской границе напряженной обстановки, до сегодняшних дней оказывает негативное влияние на имидж Китая в РФ. Часть российского населения до сих пор видит в КНР потенциально враждебное государство.

Библиография

1. Абрамов В.А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.
2. Борисов О.Б. Из истории советско-китайских отношений в 50-х годах: к дискуссии в КНР о Мао Цзэдуна. М.: Международные отношения, 1982. 152 с.
3. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения, 1945-1980. М.: Мысль, 1980. 638 с.

4. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». М.: Международные отношения, 1976. 392 с.
5. Бутурлинов В.Ф. О советско-китайской границе: Правда и пекинские вымыслы. М.: Воениздат, 1982. 77 с.
6. Владимиров О.Е. Советско-китайские отношения в сороковых–восемидесятых годах. М.: Международные отношения, 1984. 384 с.
7. Галенович Ю.М. Наказы Цзян Цзэминя. Принципы внешней и оборонной политики современного Китая. М.: Муравей, 2003. 230 с.
8. Галенович Ю.М. Россия в «китайском зеркале». Трактровка в КНР в начале XXI века истории России и русско-китайских отношений. М.: Восточная книга, 2011. 416 с.
9. Гарвер Дж.В. Мао Цзэдун и разлад китайско-советских отношений, 1956-1966 гг. // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М., 2005. С. 471-483.
10. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
11. Гордеев Н.В. Советско-китайские и российско-китайские отношения в 40-90-е годы. Иркутск, 1999. 188 с.
12. Гудошников Б.П. Китай после «культурной революции» (политическая система, внутривластное воспитание). М.: Мысль, 1979. 360 с.
13. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003. 385 с.
14. Иванов А. Цзян Цзэминь открыл Егору Строеву секрет успеха китайских реформ // Коммерсантъ. 2001. № 125 (2255).
15. Ли Цзюньжу. Китайская мечта. Мирное развитие Китая. Пекин, 2006.
16. Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: ФОРУМ, 2009. 288 с.
17. Лю Биньцзе. Философия Китая о внешних сношениях в XXI веке. Мирное развитие Китая. Пекин, 2006.
18. Мэй Гочжу. Мирная стратегия. Мирное развитие Китая. Пекин, 2006.
19. Ольшанский Д. Основы политической психологии. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Olsch/5.php
20. Панцов А.В. Дэн Сяопин в Москве (1926-1927): идейное становление революционера и будущего реформатора // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 151-159.
21. Смирнов А.А. Идейно-политические аспекты модернизации КНР. М., 2005. 324 с.
22. Титаренко М.Л. Надежная основа российско-китайского стратегического партнерства, дружбы и соразвития // Проблемы Дальнего востока. 2011. № 3. С. 3-13.
23. Юй Суй. Отношения нового типа между Китаем и Россией // Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. М., 2005. С. 350-360.

The nature of Mao Zedong's political leadership and its influence on the formation and development of relations between the USSR and the PRC: 1949-1976

Margarita I. Varakina

PhD, Professor of the Department of Foreign Languages
and Professional Communication,
Samara National Research University,
443086, 34, Moskovskoe highway, Samara, Russian Federation;
e-mail: margo3535@yandex.ru

Elizaveta S. Trofimova

Lecturer,
Department of Theory and Practice of Foreign Languages,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: trofimova.elizavetta@yandex.ru

Yaroslava A. Levchenko

Master's Degree,
Higher School of Economics – National Research University,
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yaalevchenko@edu.hse.ru

Abstract

The political portrait of Mao is ambiguous, researchers often give directly opposite assessments of the personal qualities and activities of the Great Pilot. According to the typology of leaders, Mao Zedong refers to the «leaders» - leaders who lead the «hypnotized» crowd along the path they have chosen. A vivid confirmation of this is the blind trust placed in Mao Zedong by the broad masses of the Chinese people, and the adherence to the personality cult of the Great Pilot. His name is somehow connected with various events and episodes of the liberation struggle of the Chinese people. Also, the personality of Mao Zedong is closely connected with the formation of relations between the USSR and the PRC. As a person with a high Mac coefficient, Mao always sought to use cooperation with the USSR in the interests of his state. However, being a representative of a paranoid style of behavior, he always saw the USSR as an ideological enemy. After 1953, relations between the PRC and the USSR were influenced not only by objectively existing contradictions, but also by the personal relationship between Mao Zedong and N.S. Khrushchev. It should be noted that the line pursued by Mao Zedong towards confrontation with the USSR and, in particular, the creation of a tense situation on the Soviet-Chinese border, to this day has a negative impact on China's image in the Russian Federation. A part of the Russian population still sees China as a potentially hostile state.

For citation

Varakina M.I., Trofimova E.S., Levchenko Ya.A. (2022) Priroda politicheskogo liderstva Mao Tszeduna i ee vliyanie na stanovlenie i razvitie otnoshenii mezhdu SSSR i KNR: 1949-1976 gg. [The nature of Mao Zedong's political leadership and its influence on the formation and development of relations between the USSR and the PRC: 1949-1976]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (2A), pp. 99-108. DOI: 10.34670/AR.2022.76.47.010

Keywords

Mao Zedong, political portrait, leader, PRC, relations between the USSR and the PRC.

References

1. Abramov V.A. (2010) *Globaliziruyushchiysya Kitai: grani sotsiokul'turnogo izmereniya* [Globalizing China: Facets of the Sociocultural Dimension]. Moscow: Vostochnaya kniga Publ.
2. Borisov O.B. (1982) *Iz istorii sovetsko-kitaiskikh otnoshenii v 50-kh godakh: k diskussii v KNR o Mao Tszedune* [From the history of Soviet-Chinese relations in the 1950s: to the discussion in the PRC about Mao Zedong]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
3. Borisov O.B., Koloskov B.T. (1980) *Sovetsko-kitaiskie otnosheniya, 1945-1980* [Soviet-Chinese relations, 1945-1980]. Moscow: Mysl' Publ.
4. Burlatskii F.M. (1976) *Mao Tszedun: «Nash koronnyi nomer – eto voina, diktatura»* [Mao Zedong: “Our showstopper is war, dictatorship”]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
5. Buturlinov V.F. (1982) *O sovetsko-kitaiskoi granitse: Pravda i pekinskie vymysly* [On the Soviet-Chinese border: Truth

- and Peking fiction]. Moscow: Voenizdat Publ.
6. Delyusin L.P. (2003) *Den Syaopin i reformatsiya kitaiskogo sotsializma* [Deng Xiaoping and the Reformation of Chinese Socialism]. Moscow: Muravei Publ.
 7. Galenovich Yu.M. (2003) *Nakazy Tszyan Tszeminya. Printsipy vneshnei i oboronnoi politiki sovremennogo Kitaya* [Jiang Zemin's orders. Principles of foreign and defense policy of modern China]. Moscow: Muravei Publ.
 8. Galenovich Yu.M. (2011) *Rossiya v «kitaiskom zerkale». Traktovka v KNR v nachale XXI veka istorii Rossii i rusko-kitaiskikh otnoshenii* [Russia in the Chinese mirror. Interpretation in the PRC at the beginning of the 21st century of the history of Russia and Russian-Chinese relations]. Moscow: Vostochnaya kniga Publ.
 9. Garver J.V. (2005) Mao Tszedun i razlad kitaisko-sovetskikh otnoshenii, 1956-1966 gg. [Mao Zedong and the Discord in Sino-Soviet Relations, 1956-1966]. In: *Rossiisko-kitaiskie otnosheniya. Sostoyanie, perspektivy* [Russian-Chinese relations. Status, prospects]. Moscow.
 10. Gelbras V.G. (2001) *Kitaiskaya real'nost' Rossii* [Chinese reality of Russia]. Moscow: Muravei Publ.
 11. Gordeev N.V. (1999) *Sovetsko-kitaiskie i rossiisko-kitaiskie otnosheniya v 40-90-e gody* [Soviet-Chinese and Russian-Chinese relations in the 40-90s]. Irkutsk.
 12. Gudoshnikov B.P. (1979) *Kitai posle «kul'turnoi revolyutsii» (politicheskaya sistema, vnutripoliticheskoe vospitanie)* [China after the cultural revolution (political system, internal political education)]. Moscow: Mysl' Publ.
 13. Ivanov A. (2001) Tszyan Tszemin' otkryl Egoru Stroevu sekret uspekha kitaiskikh reform [Jiang Zemin revealed to Yegor Stroeve the secret of the success of Chinese reforms]. *Kommersant* [The Businessman], 125 (2255).
 14. Li Junru (2006) *Kitaiskaya mechta. Mirnoe razvitie Kitaya* [Chinese dream. Peaceful development of China]. Beijing.
 15. Liu Binjie (2006) *Filosofiya Kitaya o vneshnikh snosheniyakh v XXI veke. Mirnoe razvitie Kitaya* [Philosophy of China about foreign relations in the XXI century. Peaceful development of China]. Beijing.
 16. Luzyanin S.G. (2009) *Rossiya i Kitai v Evrazii. Mezhdunarodno-regional'nye izmereniya rossiisko-kitaiskogo partnerstva* [Russia and China in Eurasia. International and regional dimensions of the Russian-Chinese partnership]. Moscow: FORUM Publ.
 17. Mei Guozhu (2006) *Mirnaya strategiya. Mirnoe razvitie Kitaya* [Peace strategy. Peaceful development of China]. Beijing.
 18. Ol'shanskii D. *Osnovy politicheskoi psikhologii* [Fundamentals of political psychology]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Olsch/5.php [Accessed 04/04/2022]
 19. Pantsov A.V. (2011) Den Syaopin v Moskve (1926-1927): ideinoe stanovlenie revolyutsionera i budushchego reformatora [Deng Xiaoping in Moscow (1926-1927): the ideological formation of a revolutionary and a future reformer]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 4, pp. 151-159.
 20. Smirnov A.A. (2005) *Ideino-politicheskie aspekty modernizatsii KNR* [Ideological and political aspects of China's modernization]. Moscow.
 21. Titarenko M.L. (2011) Nadezhnaya osnova rossiisko-kitaiskogo strategicheskogo partnerstva, druzhby i sorazvitiya [Reliable basis of the Russian-Chinese strategic partnership, friendship and co-development]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East], 3, pp. 3-13.
 22. Vladimirov O.E. (1984) *Sovetsko-kitaiskie otnosheniya v sorokovykh–vos'midesyatykh godakh* [Soviet-Chinese Relations in the 1940s and 1980s]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.
 23. Yu Sui (2005) Otnosheniya novogo tipa mezhdru Kitaem i Rossiei [Relations of a new type between China and Russia]. In: *Rossiisko-kitaiskie otnosheniya. Sostoyanie, perspektivy* [Russian-Chinese relations. Status, prospects]. Moscow.